

Олег Михайлов
КУТУЗОВ
Исторический роман
Том первый

КНИГА ПЕРВАЯ
ДВАЖДЫ ВОСКРЕСШИЙ

*Смерть сквозь главу
твою промчалась.*
Г. ДЕРЖАВИН.

ЧАСТЬ I

Глава первая
ЮНОСТЬ ГЕРОЯ

I

Самое дорогое для мальчика — вечера в большом батюшкином кабинете. Набегаешься всласть, накатаешься в салазках с ледяной горки, наиграешься в снежки, в гуська, в салки, в крепость. Разрумьянишься, наберешь в валенки снегу, весь иззябнешь. Но все равно чуть не силком, иногда с

горькими детскими слезами, уводит тебя мамка домой.

Недолго ребячье горе. После ужина залезешь с ногами на скользкое кожаное аглицкое кресло и слушаешь, слушаешь батюшку. Чудо как хорошо!

Чего только не знает Ларион Матвеевич! Ведь недаром называют его в Петербурге «Разумною книгою».

И про полуденные страны знает, где люди круглый год ходят нагишом и зело черны и где обитают в степях диковинные птицы. И среди них птица, величайшая в свете, именуемая Строус, которая бегаёт как конь. На этом Строусе, усевшись верхом, римляне учреждали скачки, наперегонки с лошадьми...

И про Индию, царство чудес, в котором вельможи в одеяниях, изукрашенных адамантами и сапфирами, восседают под балдахинами на звере-горе, называемом Элефант. И тот Элефант на рыле имеет мускулистую длинную трубку. Он ее сжимает и распускает, ею пьёт, берет разные вещи и обороняется от врагов...

И про дерзких мореходов, из которых один, гишпанец Колумбус, открыл Вест-Индию, или Новый Свет. И в сем Новом Свете спрятана от пришельцев Золотая Страна — Эльдorado. Собраны в ней бессчётные сокровища вождей и жрецов индейских — из червонного, красного и

белого золота. И многие рыцари и простые люди пытались отыскать Эльдorado, уходили в леса дремучие, поднимались в горы поднебесные, где ужасные дыры огонь из преисподней мечут. Но никто не возвращался с удачей. Или не возвращались вовсе...

— А с песьими головами люди где обретаются? Мне мамка вечер сказывала... — решается озадачить Миша своего батюшку.

— Сие выдумки от темноты да невежества. Песьи головы, Мишенька, привязывали к седлу опричники царя нашего Грозного Иоанна. Ибо называли себя его верными псами...

Как рассказывает батюшка — век бы слушал! Сколько земель на белом свете, сколько чудес! Но милее всего Мишиному сердцу истории воинские, ратные подвиги и фамильное прошлое древнего рода Голенищевых-Кутузовых.

— Сам святой Александр Невский, князь Новгородский и великий князь Владимирский, день кончины коего все мы, православные, отмечаем четырнадцатого ноября, благословил родоначальника нашего...

Историю эту Миша слушал едва ль не в десятый раз. Но каждый раз словно наново. Шаловливый, резвый и даже проказливый, мальчик затихал, впивался большими живыми глазами в отца. А тот не без торжественности повествовал:

— Было это в тысяча двести сороковом году от Рождества Христова. К новгородским границам подошли шведы с их гордым вождем Биргером. И Биргер сей послал князю Александру надменную грамоту: «Се уже есть зде и пленю землю твою». Тогда собрал князь Александр Ярославич свою дружину и встретил шведов. У речки Ижоры, притока нашей Невы. Храбрые новгородцы в лоск разбили врага. А князь Александр собственным копьем возложил печать на лицо Биргера. За эту битву он и наречен был в народе Невским. Так вот, рука об руку со святым Александром сражался праотец наш Гавриил, верный его сподвижник...

Тихо потрескивают свечи в шандале на дубовом столе; за небольшими, заросшими льдом оконцами тьма и холод — люты морозы были в восемнадцатом веке. И шли они, с перерывами, дружной и грозной чередой. Порой по две-три недели держалось поболее тридцати градусов. Как начнет Юрий холодный оброк собирать, так за порогом уже стучится студень, или декабрь. И идут сперва варварины морозы: трещит Варюха, береги нос да ухо! Варвара заварит, Савва засалит, Никола загвоздит. Варвара ночи урвала, украла, день приточила. А за Варварой — Савва. Савва снегом стелет, гвозди острит, льдом засалит. Савву сменяет Никола Зимний. Два их, Николы: один с травой,

другой со снегом. Зима на Николу замедает — дороги не бывает.

Но вот Спиридона поворот: солнце на лето, а зима на мороз. В этот день медведь в берлоге поворачивается и корова на солнце успевает нагреть один бок. С солнцеворотом дня прибудет хоть на воробьиный скок. А там пост холодный — рождественские морозы. Январь — всем зимним месяцам отец. Трещат крещенские морозы: трещи, трещи, пока не пришли водохрящи. После холодов на Татьянин день — афанасьевские морозы: Афанасий и Кирило забирают за рыло. Их сменяют тимофеевские: в день Тимофея Полузимника — ползимы миновало.

Дождались и Сретенья: зима с летом встретились. Коли на Сретенье метель дорогу замела, то весь корм подберет. За ним грядет Власьев день — власьевы морозы. И март на нос садится, и в нем морозит...

Но тепло и покойно в кабинете с круглыми натопленными голландками, с длинными полками русских и иноземных книг в телячьей коже и сафьяне. Размеренно звучит глуховатый батюшкин басок:

— Праправнук Гавриила, сподвижника Александра Ярославича, был Федор Александрович, по прозвищу Кутуз. От него-то и пошли мы, Кутузовы...

— А что значит — Кутуз? — быстро спрашивает Миша.

— Подушка у кружевниц, — с готовностью отвечает Ларион Матвеевич, любуясь дотошностью сынишки. — Из кожи либо материи. Видно, были в нашем роду искусные мастерицы. Вязали украшения для семей московских князей и бояр...

Сметливый мальчик давно уже знает смысл этого слова от доброй бабушки, заменившей ему мать. Но просто хочет вопросом сделать приятное батюшке своему.

— Еще, расскажи еще! Про князей московских... — просит Миша.

— Много чудесного и страшного происходило в те годы. Нравы были крутые. Внук Дмитрия Донского, победителя татар на Куликовом поле, князь Василий Васильевич¹ боролся с дядей своим Юрием Галицким за московский стол. Ты хоть и мал, да знать должен, как жестоко поступали тогда князья в споре за власть. Никого не щадили. Да! Не нынешнее просвещенное время благословенной Елизаветы Петровны! — простодушно восклицает он, как и все люди на земле, уверенный, что время, в которое он живет, самое просвещенное и самое

---

¹ Василий II Темный (1415 — 1462) — великий князь московский с 1425 г., сын Василия I.

значительное. Хотя бы потому, что в нем уместилась малая его жизнь.

Ларион Матвеевич крестится на темный угол, где должны быть иконы, и продолжает:

— Так вот. Желал князь Василий избавиться от одного из главных своих соперников. Заманил и ослепил старшего сына Юрия — Василия Косого. А через шестнадцать лет последовала месть. Он сам лишен был глаз братом Косого — Дмитрием Шемякой. После этого и прозвали его: Темный. И во всех тяжких испытаниях сопровождал князя Василия Васильевича верный его боярин Василий Федорович Кутуз...

— Сын Федора Александровича, батюшка? — вставляет Миша.

— Он, он самый. — Ларион Матвеевич гладит мальчика по стриженной головке: памятливы, умен, — и продолжает: — А Шемяка тем временем сел в Москве. Да сидел недолго. Правил он, Мишенька, не имея ни стыда, ни совести. С той поры люди говорят о бесчестном: Шемякин суд. И москвичи стали звать к себе слепого князя Василия. С многочисленной ратью двинулся он к первопрестольной. Бесславно бежал от него Шемяка в Каргополь. И по пути, как подлый тать, захватил в заложницы мать Василия Васильевича — Софью. Дочь могущественного князя Литовского Витовта. Князь Василий Темный

вернул себе великий московский стол. И стал горевать: что с матерью? не извел ли ее кат Шемяка? Вызывает он Василия Кутуза и речет ему: «Поезжай, верный мой слуга, в Каргополь. И если жива моя матушка, упроси Шемяку вернуть ее...»

— Ну и как? — сучит в нетерпении ножками в мягких бурках сынишка.

— С превеликим трудом, но выполнил Василий Федорович препоручение великого князя. То-то было радости в кремлевских палатах...

Ларион Матвеевич встает с кресел, щипцами снимает со свечек нагар. Выступают из полумрака лики с икон Пресвятые Богородицы и батюшкиного святого — Иллариона, епископа Меглинского; строго глядит — усы торчком — из вызолоченной бронзовой рамы Петр Великий.

— Батюшка! Скажи о чем-нибудь еще! — молит Миша.

Ларион Матвеевич утверждает в креслах, пухлая рука сама находит фарфоровую табакерку с лицеизображением государыни Екатерины, супруги преобразователя России. Со щелком отворяется крышка, щепоть доброго гамбургского табаку отправляется сперва в левую, затем в правую ноздрю. Орлиный батюшкин нос заостряется от щепотки, мальчик приготавливается слушать, как с мортирным звуком чихнет батюшка в батистовый с кружевами платок. Вот пухлое батюшкино лицо

вновь распускается, белеет, выпуклые глаза открываются, приятная важность вновь исходит от него.

— А знаешь ли, Мишенька, что родственница наша называлась женой царя и великого князя Московского?

Нет, мальчик не знает об этом и весь обращается в слух.

— Когда разваливалась грозная Золотая Орда, осталось враждебное Руси Казанское царство. Наш государь и великий князь Иоанн Грозный желал вернуть балтийские земли, завоеванные шведом. Но как сие сделать? Пойдешь на запад — татары ударят тебе в спину! Надобно прежде завоевать Казань. Орешек сей, однако, оказался зело крепок. Удалось было Иоанну посадить на казанский стол верного ему Шиг-Али-хана. Но возмутились татары, скинули его и назвали главой своей астраханского царевича Едигера-Махмета. Он дал казанцам клятву быть неумолимым врагом России. И вот Иоанн Грозный самолично явился под стены Казани. Битвы происходили почти ежедневно. Русским удалось взорвать тайник, откуда татары запасались водой. Были подведены главные подкопы. Настал день решающего штурма. Было

это ² второго октября тысяча пятьсот пятьдесят второго года...

Миша спал с открытыми глазами: с грохотом рвались в подкопах бочки с порохом; в дыме пожарищ рушились стены Казанского кремля; шли с тяжелыми пищалями государевы стрельцы.

— Казанцы отчаянно защищались на улицах. — Ларион Матвеевич разволновался от собственного рассказа и грозно чертил перстом в воздухе. — Они удвоили усилия и почти вытеснили наших. Но вот сам Иоанн схватил знамя, стал в городских воротах и удержал бегущих. Царь Едигер был взят в плен, защитники его пали...

— И государь ослепил его, как Василия Темного? — ужасается мальчик.

— Нет, грозен и жесток, но справедлив был Иоанн Четвертый, — качает головой Ларион Матвеевич. — Едигер был отправлен в Москву. Там он принял святое крещение под именем Симеона. Ему оставили титул царя. Жил он в Кремле, в особенном большом дворце. Имел боярина, чиновников и множество слуг. Понимал наш государь, сколь важно привязать Едигера-Симеона, склонить его на верность Руси. И стал подыскивать ему невесту. А у

---

² Все даты в романе даются по старому стилю.

боярина московского Андрея Кутузова, нашего сородича, была дочь Мария. Всем хороша — и на личико нежна, и нравом кротка и послушлива. Вот в тысяча пятьсот пятьдесят третьем году повенчал Иоанн Грозный Симеона с Марией и пожаловал им в отчину город Рузу. А далее вышло, как он задумал: сей Симеон всегда был преданным слугой Иоанна. Ходил с ним на хана крымского, сражался в войне Ливонской и Польской. А при учреждении опричнины и земщины Иоанн главой последней сделал Симеона³. Так говорят наши летописи.

Про опричников Миша уже знает. А что такое земщина?

Умиленный любознательностью мальчика, Ларион Матвеевич даже утирает платочком уголки повлажневших глаз.

---

³ Известный русский историк В. О. Ключевский сообщает, что Иван Грозный земщину предназначал после себя старшему сыну, а опричнину — младшему. И далее он пишет: «...есть известие, что во главе земщины поставлен был крещеный татарин, плененный казанский царь Едигер-Симеон. Позднее, в 1574 г., царь Иван венчал на царство другого татарина, касимовского хана Саин-Булата, в крещении Симеона Бекбулатовича... Иван назначал того и другого Симеона председателями думы земских бояр» (Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1988. Т. 2. С. 167 – 168).

— Случилось то в декабре тысяча пятьсот шестьдесят четвертого года, — таинственно объясняет он. — Царь Иоанн Васильевич вместе с приближенными, стражей и женой Марьей Темрюковной внезапно исчезли из Москвы. Были с царем и Симеон с Марией. Они скрывались в монастырях и в конце концов остановились в Александровской слободе. Оттуда последовала грамота. В ней царь обвинил бояр в измене и даже выказал желание оставить престол. Когда же Москва приняла его требования, Иоанн учредил земщину и опричнину. Он начал жестокую расправу с крамольными боярами. Опричникам были отведены некоторые города, числом около двадцати. А в земщину, особое управление территорией, вошли остальные российские земли во главе с Москвой.

Ларион Матвеевич, увлекаясь рассказом, уже не замечает времени; еще меньше помнит об этом мальчик. Их возвращает к действительности бабушка.

— Хватит тебе Мишеньку-то своими страхами пужать! — выговаривает она сыну, появляясь в сопровождении дворовой мамки в кабинете. — Ведь сиротка! Некому его приголубить! А ты вместо ласки солдатскими побасенками его потчуеть!..

Она целует внука и просит:

— Пошли, Мишенька, спать. Бона и глазоньки твои ясные уже слипаются...

— Батюшка! Разреши еще послушать! Расскажи еще хоть столечко! — хнычет мальчик.

— Ладно... Только иди в постельку. Да сотвори молитву святому своему — архистратигу Михаилу. Когда ляжешь, приду и... — тут батюшка укорно смотрит на няньку, — вместо глупой мамкиной сказки расскажу еще какую бывальщину...

И снова, несмотря на ворчание доброй бабушки, листает мальчик — страница за страницей — увлекательную «Разумную книгу». Он засыпает, но и во сне длится рассказ отца — про диковинные земли, про воинские подвиги, про богатыря Гавриила...

2

— Дядюшка! Приехал дядюшка!..

Иван Лонгинович Голенищев-Кутузов, двадцатипятилетний морской офицер, худощавый, с обветренным лицом — рот плотно сжат, желваки ходят под кожей — и мозолистыми ладонями. Он не из книг знает то, о чем рассказывает батюшка. Правду сказать, своим фрегатом правит Иван Лонгинович одним и тем же курсом: из Петербурга в Архангельск и обратно. Но и то в его лета немало

— на небольшом паруснике аж через все Балтийское море, да вокруг Скандинавии, да через Белое море до устья Двины — путь опасный и долгий.

Миша бежит навстречу моряку, и тот подхватывает его сильными руками, прижимает к жесткому суконному мундиру, пахнущему табаком, океанским йодом, жженым порохом. Из бесчисленных карманов достаются подарки: кусок диковинного китового уса, черный блестящий медвежий коготь, прозрачный камень янтарь, а в нем навсегда застыла, распутив крылышки, желто-полосатая оса. И наконец, аглицкая медная игрушка: пушчонка, которая может ядра с копейку метать...

За столом, после первой чарки, Иван Лонгинович пускается в мореходные рассказы, пересыпая их волнующе-непонятными словами: «ганшпуг», «вымбовка», «квадрант», «юферс», «рубка», «галс», «крюйс-марс», «фокзейл», «шканцы», «ростры»...

— Всему свой черед, — смеется он, обнажая плотные белые зубы, в ответ на Мишины просьбы объяснить их значение. — Придет срок — узнаешь...

А после обеда, в кабинете, дымя трубой, Иван Лонгинович слушает Лариона Матвеевича, опытного инженера, который в очередной раз

собирается уезжать для возведения фортеций на юго-западные рубежи России...

— Меня назначили состоять при особе главного командира Кронштадта Захария Даниловича Мишукова, — сказал Иван Лонгинович однажды. — Теперь какое-то время я буду моряком сухопутным. И хочу взять Мишеньку к себе. А то, Ларион Матвеевич, без тебя как бы здешнее бабье царство его в красну девицу не обратило...

На том и порешили. К великому огорчению бабушки, засобиравшейся после того в свое имение Печатники под Москву...

3

Усадив мальчика рядом с собой, Иван Лонгинович читал ему «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению»⁴:

— «Не хватай первым блюдо и не дуй в жидкое, чтобы везде брызгало.

Не сопи, егда еси...»

Голенищев-Кутузов назидательно поднимает указательный палец с перстнем, украшенным

---

⁴ Литературный памятник начала XVIII в., предназначенный для воспитания дворянских детей, составлен сподвижниками Петра I (Я. В. Брюсом и др.). Впервые издан в 1717 г.

серебряной Адамовой головой, и торжественно продолжает:

— «Когда что тебе предложат, то возьми часть из этого, прочее отдай другому.

Руки твои да не лежат долго на тарелке, ногами везде не мотай, не утирай губ рукою и не пей, пока пищи не проглотил...»

Он кладет жесткую моряцкую руку на стриженую голову воспитанника:

— Ну-ка, продолжай теперь сам, Мишенька!..

Мальчик читает бегло, только от усердия иногда глотает слова.

— «Не облизывай перстов и не грызи ногтей, но обрежь ногти.

Хлеба, приложу к груди, не ешь: ешь, что пред тобой лежит, а инде не хватай.

Над ествою не чавкай, как свинья... — Миша лукаво глядит на невозмутимо восседающего с неизменной трубкой моряка и, подмигнув заговорщически, продолжает: — и головы не чеши. Не проглотив куса, не говори.

Около своей талерки не делай забора из костей, корок хлеба и прочего...» — Миша поднимает от книжки голову и скороговоркой спрашивает: — Кстати, дядюшка, что у нас нынче на обед? Больно уж каша гречневая надоела... — И снова читает: — «Неприлично руками по столу везде колобродить, но смирно ести. А вилками и

ножиком по талеркам, по скатерти или по блюду не чертить и не стучать, но должно смиренно, прямо, а не избоченясь сидеть...»

— Да ты, мой друг, читаешь уже не хуже моего! — ободряюще говорит Иван Лонгинович. — Идем теперь к обеденному столу. Посмотрим на деле, как ты усвоил урок. Я, кстати, уже заглядывал на камбуз. Полагаю, что за труды твои мой кок угостит тебя чем-нибудь особенно вкусным...

В доме прекрасно образованного, твердого характером моряка мальчик провел несколько лет и в 1757 году был определен в Петербургскую инженерную школу. Красивый, веселый, даже лукавый, сметливый и понятливый, Михаил Кутузов сразу же обратил на себя внимание капитана Мордвинова, помощника Петра Ивановича Шувалова⁵ по заведованию школой.

Михаил Иванович Мордвинов не мог надивиться способностям юного Кутузова, очень скоро выказавшего отличные познания в математике, фортификации, инженерном деле,

---

⁵ Петр Иванович Шувалов (1710 — 1762) — граф, генерал-фельдмаршал, участник дворцового переворота 1741 г. Был фактическим руководителем правительства при Елизавете Петровне. В Семилетней войне был одним из организаторов армии, особенно артиллерии.

истории, богословии и философии. Мальчик не ограничивался предложенной в школе программой. Он самостоятельно изучал русскую и немецкую словесность, юридические и общественные науки, особое влечение проявив к языкам — французскому, немецкому, польскому. Впоследствии Михаил Илларионович мог изъясняться еще и на шведском, финском, английском и турецком, знал несколько и латынь.

Сам всесильный генерал-фельдцейхмейстер, управляющий артиллерийской и оружейной канцелярией граф Петр Иванович Шувалов пожелал познакомиться с талантливым учеником и проверить его знания. Юный Михаил Кутузов, в свой черед, увидел реформатора, с которым связывались перемены в русской артиллерии и изобретение знаменитых уже единорогов. В возгоревшейся Семилетней войне ^б шуваловские гаубицы наводили панику на пруссаков.

---

^б Семилетняя война— война 1756 — 1763 гг, между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией и Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Великобританией и Португалией — с другой. Вызвана была обострением англо-французской борьбы за колонии, а также столкновением агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России. В войне выиграла Великобритания, победив Францию и обретя торговое первенство.

*Нам слава, страх врагам в полках твои огни;
Как прежде, так и впредь: пали, рази, гони.
С Елисаветой Бог и храбрость генералов,
Российска грудь твои орудия, Шувалов, —*

слагал в его честь стихи Ломоносов...

10 октября 1759 года четырнадцатилетний Кутузов был произведен в капралы артиллерии, 20 октября, «за прилежность к наукам», — в каптенармусы — унтер-офицеры, а 1 января 1760 года, «за особую прилежность и в языках, и в математике знание, а паче, что принадлежит для инженера, имеет склонность, в поощрение прочим», — в кондукторы 1-го класса (чертежники). Он был оставлен при Инженерной школе «к вспоможению офицерам для обучения прочим». Кутузов преподавал кадетам арифметику и геометрию.

Здесь он подружился с унтер-офицером Василием Бибиковым, братом уже прославившегося своей храбростью в битве при Кунерсдорфе ⁷ командира 3-го мушкетерского

---

⁷ Кунерсдорф — деревня вблизи Франкфурта-на-Майне, у которой русские и австрийские войска 1 августа 1759 г. разгромили прусскую армию.

полка Александра Ильича. Не только артиллерийское дело и математические науки сближали их. Василий, который был моложе Кутузова на два года, так же горячо увлекался изящной словесностью, а пуще того — театром. Вместе они не пропускали ни одного представления в Сухопутном шляхетском корпусе и сами разучивали пьесы.

Им с увлечением помогал Иван Лонгинович Голенищев-Кутузов, отдававший досуг переводам любимого Вольтера.

Иван Лонгинович к этой поре был уже капитаном 2-го ранга и командовал кораблем «Москва», а затем — «Северный орел». Он служил в подчинении у брата Михаила Ивановича Мордвинова — адмирала Семена Ивановича, который заменил Мишукова на посту коменданта Кронштадта.

В свободные вечера у Голенищева-Кутузова часто собиралась молодежь. Иван Лонгинович читал только что переложенные им на русский язык отрывки из славного сочинения Вольтера «Задиг, или Судьба». Вольтер, его смелые мысли, его увлекательные романы, философские трактаты, душещипательные трагедии кружили голову.

Остроумный и насмешливый, он вызывал восхищение.

«Во времена царя Моабдара был в Вавилоне юноша именем Задиг, одаренный благополучною природою, которая укреплена была добрым воспитанием. Хотя богат и молод, однако знал он умерять свои страсти, никогда не потворствовать, ничем над другими не превозносился и умел снисходить человеческим слабостям...»

Иван Лонгинович оглядел юных слушателей: смазливый, точно девушка, франт и высок Васенька Бибиков, рядом с ним Миша, Мишенька, — в глазах и в уголках губ затаенная улыбка, готовность в любой момент взорваться шуткой, насмешкой, веселым смехом. Только Бибиков и может сравниться с ним живостью и пылкостью нрава. Для них, в назидание их нетерпеливому характеру и колкому уму, читает теперь Голенищев-Кутузов фантастическую сказку о Задиге.

«С удивлением на него взирали, что, имея острый разум, удержался он от ругательного насмешения оным разговорам без разума, смешанным, прерываемым, оному дерзновенному злословию, глупым злключениям, язвительным шуткам, оному пустому звуку слов, которыя почитались приятным собеседованием в Вавилоне...»

— Внемлите, мои друзья, тому, что пишет сей знаменитый муж, — не удержался Иван Лонгинович. — Он воистину учит всех нас мудрости житейской...

«Он научился из первой книги Зороастра, что самолюбие подобно заключающему в себе ветры меху, из которого вылетают бури, когда его прокалывают. Паче всего Задиг никогда не тщеславился ни презрением, ни покорением себе женщин. Он был щедр, не боялся добро делать и неблагодарным, последуя великому правилу Зороастра: когда ты ешь, корми псов, хотя они тебя и угрызть могут...»

Васенька Бибииков, мастер обезьянничать и передразнивать других почище Миши Кутузова, не мог подолгу спокойно сидеть и слушать. Он вскакивал, переспрашивал непонятные хместа, критиковал слог, пытался тут же разыграть роман в лицах, заплодировал, когда наконец Задиг сделался царем и мужем прекрасной Астарты, А после предложил поставить дома у Ивана Лонгиновича вольтеровскую трагедию «Заира».

Все было как в дворцовом театре: костюмы, сцена, занавес. Иван Лонгинович выбрал себе роль жестокого султана Иерусалимского Оросмана, влюбленного в свою невольницу и считающего себя обманутым. Михаил Кутузов взялся изобразить благородного французского кавалера, мнимого

любовника Заиры и ее брата Нарестана. Ну, а Васенька согласился сыграть прекрасную Заиру; в театре шляхетского корпуса все женские роли в те времена обычно исполнялись кадетами. Он нарядился в богатое платье своей сестрицы Дуняши, Авдотьи, к которой, кстати, был равнодушен Иван Лонгинович, и безбожно набелил и нарумянил свое хорошенькое лицо.

*— Дрожу я идучи, душа моя вострепетала...
Не ты ли, Нарестан, кого я ожидала... —*

томно и страстно, заведя свои красивые ореховые глаза, не проговорил — пропел Бибииков.

*— Да, я, ты коего, злодейка, предала,
Пади теперь, когда неверна так была! —*

звично, словно он находился на капитанском мостике «Северного орла», проревел Иван Лонгвинович и выхватил картонный кинжал.

— О Боже! Смерть моя! —

со слезой ответил Бибииков и упал на кулису, из-под которой выполз, потирая ушибленное темя, французский кавалер Нарестан.

Иван Лонгинович вперил в него сверкающий взор и заревел еще страшнее и громче:

*— Приблизься ты, ты, кой того меня лишил,
Что более всего на свете я любил!
Презренный мой злодей с проклятою душою,
Еще ль тщеславишься ты честностью своею?
Чтоб посрамить меня, не толь ты строил ков,
Поди, во мзду тебе подарок уж готов.
Твои несчастья сравниваются с моими,
Ты в кои вверх меня коварствами твоими,
Ответствуют они злодейству твоему,
Что приказал и ты готовить казнь ему...*

Михаил Кутузов закрыл руками лицо от отчаяния и с рыданием в голосе повел партию Нарестана:

— Ах, что ты представляешь?

Иван Лонгинович толкнул его на лежащего недвижно Васеньку:

— Вот здесь, я говорю, коль зреть ее желаешь,

Кутузов отшатнулся с новым стенанием:

— Кого я зрю?.. Сестру... Заира... Что за страх!

Ах, нет тебя! Уж свет померк в твоих очах!

Теперь пришел черед рыдать и стенать Ивану Лонгиновичу:

— Возможно? Боже мой! Сестрою он назвал!

Мишенька горделиво выпрямился, стуча себя кулаком:

— О варвар! О тиран! То истина вещей!

Пронзи уж грудь мою, пронзи, о лютый зверь!

Во мне искорени весь царский род теперь!..

Иван Лонгинович упал ничком с яростным воем:

— Как? Я любим Заирой был невозможно?

Он брат? Любим я был? Ах, все сие возможно!..

Трагедия имела оглушительный успех. Ларион Матвеевич отбил себе ладони и охрип, крича «бис». Авдотья Бибикова кинула к ногам султана Иерусалимского букет фиалок. А старая Мишенькина мамка, допущенная на барское представление за свои заслуги, когда Иван Лонгинович обнажил бутафорский кинжал, со страху за своего ненаглядного свалилась ничком на пол...

Приглашение на маскарад в Зимний дворец было полной неожиданностью.

Прапорщик Астраханского пехотного полка Кутузов рассматривал маленький, изящный билетик, таинственным образом переданный ему. Какая кокетка держала его в своей маленькой ручке? Быть может, надевая на себя неуклюжие фижмы и тяжелый парик, она думала о молодом офицере и, когда наклеивала на свое лицо маленькую мушку из тафты — условный знак любовного свидания, — мечтала о нем...

От сладких мечтаний юношу отвлек вошедший в комнату Иван Лонгинович. Он держал небольшой плотный конверт.

— Передашь это особе с белой розой в волосах и в голубой бархатной маске...

Молодой человек почувствовал, что таинственное приглашение связано с этим конвертом.

— Только не вздумай перепутать! — строго добавил Иван Лонгинович. — Ибо тогда нам обоим не сносить головы...

— А кто сия особа, дядюшка, смею спросить? — решился Кутузов.

Иван Лонгинович колебался. Он оглядел своего любимца с головы до пят, его широкое

домино в шахматную клетку, встретил открытый взгляд больших темных глаз и, испытывая полное доверие к юноше, сказал:

— Знай же: ее высочество великая княгиня Екатерина Алексеевна...

...Пышный маскарад увлек и зачаровал Кутузова. Сколько музыки, танцев, веселой суеты! Вон суровый капуцин кружится, обняв резвую пастушку. А тут напудренный Пьеро пляшет об руку с грациозной Коломбиной. Там прекрасный Аполлон в сопровождении легконогих нимф вертится в бурном хороводе. Многие дамы, по тогдашней маскарадной моде, надели мужские костюмы и щеголяли в зеленых гвардейских мундирах, а кавалеры обрядились в широкие платья с робронами.

Надвинув поглубже капюшон на лоб, Михаил искал женщину с белой розой, но смуглые арапчата и голубые наяды с веселым смехом окружили его, не давая выйти из живого кольца. Рядом с Кутузовым оказался звездочет в остроконечной шапке, черном с серебряными блестками балахоне и с огромным картонным носом.

— Какой прекрасный цветник! Благоуханная оранжерея! — позабыв осторожность, обратился к нему Кутузов и услышал ворчливый голос:

— Я бы скорее сравнил этот зал с садком для птичек...

— Сударь, вы циник! — не выдержал юноша.

— О нет, мой юный друг, — отвечала маска. — К сожалению, я и сам все еще поддаюсь чарам тех, в ком нет ни глубокого ума, ни знаний, а есть лишь искусное притворство и в том и в другом. Зато если вы послушаете этих очаровательных попугайчиков, то узнаете все или почти все о нашем свете. Впрочем, вас ждет более серьезное дело. Идите же к главной лестнице...

И звездочет решительно отстранил двух прелестных наяд, державших Кутузова за полы домино.

В смущении юноша пересек весь огромный беломраморный зал, залитый светом тысяч свечей в переливающихся хрустальных люстрах. И кажется, успел вовремя.

Его здесь ожидали! И узнали!

Вниз по лестнице спускалась стройная молодая женщина в синей полумаске. Она была одета подчеркнуто скромно: корсаж из белого гродетюра и белая юбка на маленьких фижмах — китовых обручах, поддерживающих платье. Длинные, роскошные темно-каштановые волосы зачесаны назад и перехвачены белой ленточкой; в простой прическе только белая роза с бутоном и листьями — точно живая; другая роза приколоты к корсету. Белый газовый шарф, газовые манжеты и газовый передничек дополняли наряд.

«Что за чудо и что за простота! — сказал себе Кутузов — И это она?..»

Темные глаза блеснули в прорезях голубой маски. Женщина остановила мимолетный взгляд на Кутузове и вошла в толпу. И вслед за ней в толпе оказался молодой человек. В тесноте он нашел ее дрогнувшую маленькую ручку и вложил конверт. Послышался тихий, но спокойный голос:

— Домино! Как вас зовут?

И теперь уже без колебаний он назвал себя.

— Мы не забудем вас... — раздалось в ответ.

Близость с Иваном Лонгиновичем, которого решено уже было сделать наставником по морскому делу при малолетнем внучатом племяннике Елизаветы — Павле, и дружба с Васенькой Бибиковым, любимцем лихих гвардейских офицеров братьев Орловых, рано втянули Михаила Кутузова в круг большой политики.

5

Часы на мраморной каминной подставке пробили два пополночи. Вызолоченный вебрь, несший циферблат, мчался, выгнув мощную спину, сквозь золоченый же кустарник. Соснуть так и не удалось. Поправляя стекающую с рыхлого плеча сорочку, Елизавета Петровна подошла к одному из трех уборных столиков. Овальное зеркало,

освещенное шандалами, отразило ее отекавшее лицо, выцветшие глаза. Только рот, твердо очерченный и алый, напоминал прежнюю Елисавет.

«Ах! уж покою томну сердцу не имею никогда; мне прошедшее веселье вспоминается всегда...»

Воспоминания невольно перенесли стареющую государыню во дни ее бедной и незабвенной юности, когда в полуопале, ненавидимая покойной царицей Анной Иоанновной уже за свою красоту, а более всего за право на престол, Елизавета Петровна могла беспечно отдаваться радостям любви: то водила хороводы в Александровской слободе; то без стыда проделывала вещи, которые заставляли краснеть даже наименее скромных; то горячо молилась перед образом Знамения Пресвятыя Богородицы...

Точно в сладком сне, точно не бывшие с нею, прошли перед императрицей очарованные ею избранники: первый раб ее сердца — любимец Петра Великого гвардеец Бутурлин, красавец Шубин, конюх Андреян Вожжинский, паж Ляпин... Как хороша она была тогда — стройная, с густой каштановой косой и темными бровями, оттенявшими большие голубые глаза, всегда с улыбкой, легко переходившей в шаловливый смех!

А сколько претендентов на ее руку появилось в те поры — не счесть! И каких претендентов!

Французы — Людовик XV, герцог Шартрский, принц Конде, герцог Бурбонский, немцы — принц Карл-Август, епископ любский, курляндский герцог Фердинанд, принц Морис Саксонский, принц Фридрих Зульбахский, маркграф Карл Бранденбургский-Байрейтский, — самые громкие фамилии в Европе! Не отставали и русские: в красавицу тетку был влюблен четырнадцатилетний император Петр II, ее руки добивались князья Долгоруков и Меншиков. Но всем она предпочла певчего Алексея Разумовского, с которым тайно обвенчалась...

Тяжело ступая отекавшими ногами, Елизавета Петровна добралась до белых, под цвет уборной залы, кресел.

Она сознавала, что конец близок. Первый роковой припадок произошел четыре года назад. 8 сентября 1757 года, в праздник Рождества Богородицы, царица отправилась из царскосельского дворца в приходскую церковь, рядом с дворцовыми воротами. Но едва началась служба, как Елизавета почувствовала себя дурно, вышла из церкви, спустилась с крыльца и, сделав два шага, упала без чувств на траву. Ее обступила толпа крестьян, сошедшихся из окрестных сел к праздничной обедне.

Извещенные дамы прибежали на помощь не тотчас и нашли государыню все еще на траве, без

сознания, посреди народа, который глазел на нее, но не смел притронуться. Ее покрыли белым платком и послали за доктором. Первый прибыл хирург Фусадье, французский эмигрант. Он тут же, на траве, в присутствии простого народа, пустил ей кровь, однако императрица не приходила в себя. Долго ждали доктора Кондоиди, грека, — он был болен, и его принесли в креслах.

Наконец доставили из дворца ширмы и кушетку, положили императрицу, терли мазями, давали нюхать всевозможные спирты — она не открывала глаз. Такой, в бесчувственном состоянии, и перенесли ее во дворец. Во время этого припадка она так прикусила себе язык, что несколько дней не владела речью, а после того долго еще говорила невнятно...

С того, уже далекого, дня здоровье ее медленно, но верно шло на убыль. Государыня стала больше времени проводить в молитвах, поститься, уединяться от веселий. Теперь ее по целым дням лихорадило, кровь шла носом, слабость валила в постель. А в июле нынешнего, 1761 года припадок повторился — она снова несколько часов пролежала без чувств.

Смерть стоит за дверями. А на кого оставить Россию? На племянника Петра Федоровича⁸? Хуже

---

⁸ Петр III Федорович (1728 — 1762) — российский

не придумаешь! Недавно, после театрального представления, когда Елизавета Петровна сидела в ложе с шестилетним Павлом, в зал вбежали караульные гвардейцы. Преображенцы, семеновцы, измайловцы теснились к ней с криком: «Матушка наша! Защита наша! Надежда!..» Среди них было немало и ветеранов-усачей, которые двадцать лет назад возвели Елизавету Петровну на трон, свергнув ненавистное немецкое правление. И вот теперь новое иноземное засилье угрожает России. Конец победоносной войне с Фридрихом II! Конец всему!..

Она понимала, что стоило только тогда сказать: «Вот ваш император!» — и судьба престолонаследия была бы решена. Павел Петрович, резвый, премилый мальчуган, сделался бы ее наследником, будущим русским царем. А кто при нем регентом? Или регентшей?..

Елизавета Петровна очнулась, провела рукой по лицу, отгоняя черные мысли. Сама, не вызывая камер-фрау, оделась. Снова перечитала перехваченную депешу французского посланника Бретеля о разговорах, которые вела великая княгиня

император с 1761 г., сын герцога Голштейн-Готторпского Карла-Фридриха и Анны Петровны, внук Петра I. Он был свергнут в результате переворота, организованного его женой Екатериной, и убит.

Екатерина Алексеевна с датским министром Остеном, положила бумагу в вазу.

Гофfreyлина доложила о прибытии Ивана Шувалова⁹.

— Ваше императорское величество! — Тридцатитрехлетний генерал-адъютант и конференц-министр, ее фаворит, ловко отвесил поклон. — Их высочества Петр Федорович с супругой направляются для получения аудиенции...

Елизавета не обладала государственным умом и сама понимала это. Легкомысленная, нервная, она лишь по необходимости терпела до поры до времени Алексея Петровича Бестужева¹⁰, сознавая превосходство ныне опального канцлера надо всеми Шуваловыми и Воронцовыми или иностранными министрами при петербургском дворе. И Екатерину Алексеевну царица не любила как раз за ум, к чему с некоторых пор прибавилось

---

⁹ Шувалов Иван Иванович (1727 — 1797) — фаворит Елизаветы Петровны, первый куратор Московского университета, президент Академии художеств.

¹⁰ Бестужев-Рюмин А. П. (1693 — 1766) — граф, дипломат, генерал-фельдмаршал. В 1740 — 1741 гг. был кабинет-министром, в 1744 — 1758 гг. — канцлером.

и ее политическое интригантство. Но Петра Федоровича!.. Великого князя Елизавета просто не могла терпеть, и чем дале, тем более, называла его не иначе как «великим дураком», «уродом» и т. п. А ведь какие надежды возлагала она на него поначалу! Мечтала, что он-то и станет настоящим Петром Третьим и приумножит славу и могущество России!..

— Иди-ко, Иван Иваныч, за ширмы да посиди там, покудова мы с канцлером учиним допрос ее высочеству...

Едва граф укрылся, как появился долговязый Петр Федорович, подошел к теткиной ручке и с надутым видом прислонился к стене. Чуть позже, опередив сопровождавшего ее Воронцова, вбежала Екатерина Алексеевна и бросилась к ногам государыни со словами:

— Молю вас, отошлите меня к моим родным!

— Как же мне отпустить тебя? — сказала императрица. — Вспомни, что у тебя есть сын!..

— Сын мой у вас в руках, — опустив голову, тихо ответила Екатерина Алексеевна, — и ему нигде лучше быть не может. Я надеюсь, вы его не покинете...

Елизавета с трудом подавила в себе невольную симпатию к этой не то тонко игравшей, не то глубоко переживавшей женщине.

— Ты просишься уехать уже не в первый раз. Но что я скажу обществу? Какая причина этого удаления?

— Ваше величество! Объявите, если найдете это приличным, причины, по которым я навлекла на себя ваши подозрения и ненависть великого князя!

Императрица положила руку ей на голову:

— Где же ты будешь жить? Твоя мать умерла. Цербст занят пруссаками...

Сдерживая рыдания, Екатерина Алексеевна ответила:

— Поеду в Париж. К брату Фридриху-Августу.

На деле она, конечно, и не помышляла ни о каком отъезде. Да и братцу, цербстскому князю без княжества, не до нее. Екатерина лихорадочно искала, на кого можно было бы опереться в это трудное время. Ведь приход к власти Петра Федоровича означал бы для нее скорую или медленную, но неизбежную гибель. Но с кем посоветоваться? Все ее старые друзья изгнаны или в отлучке: бывший канцлер Бестужев-Рюмин в опале, лапушка Салтыков отослан в Гамбург, сердечный приятель граф Понятовский выехал из Петербурга по требованию императрицы, Захар Чернышев на войне. На душе пусто. Маленькая дочь Анна умерла, а сына она почти не видит. Надобно что-то предпринимать. Вот отчего она

решилась, казалось бы, на неосторожный шаг — рассказала барону Остену, что сочла бы счастливейшим днем в своей жизни тот, когда императрица пожелала бы отстранить от престолонаследия ее мужа и завещать корону наследника сыну. «Я предпочла бы быть матерью императора, чем супругой», — заявила она датскому посланнику. Расчет простой: это вызовет понимание и сочувствие; в Дании знают, что воцарение Петра Федоровича неминуемо означает войну с Россией из-за Голштинского княжества...

Елизавета приказала Екатерине Алексеевне встать; та повиновалась. В задумчивости императрица отошла к кушетке. Да, племянник спит и видит, как бы избавиться от ненавистной супруги. Он тотчас же женился бы на своей любовнице — толстой Лизке Воронцовой, которая открыто живет в его ораниенбаумском дворце...

Принцесса тем временем быстро оглядела комнату. Она не первый раз бывала на ночных аудиенциях у государыни. «Кто на сей раз из Шуваловых спрятан за ширмами? Иван, как это было на прошлом допросе, или его двоюродный брат Петр? А может быть, сам управляющий Тайной канцелярией граф Александр Иванович?» Затем она заметила вазу со свернутой бумагой. Как хорошо, что появились два новых лица, на которых она может положиться!

Двадцатипятилетний красавец, бретер и гуляка, отважный поручик Григорий Григорьевич, Гриша Орлов¹¹ готов за нее в огонь и в воду. И сорокадвухлетний обер-гофмейстер при Павле Никита Иванович Панин¹² тоже нацезен. Это он предупредил принцессу запиской о своем разговоре с канцлером Воронцовым насчет злосчастной депеши...

Елизавета заговорила снова:

— Бог мне свидетель, сколько я плакала, когда ты была при смерти по приезде в Россию... Если бы я тебя не любила, то никогда не оставила у себя... — Она приблизилась к принцессе вплотную и нахмурилась, вспомнив все, что ей наговорили. — Но ты чрезмерно горда! Вспомни, как однажды в летнем дворце я подошла к тебе и спросила, не болит ли у тебя шея. Потому что ты едва поклонилась мне.

---

¹¹ Григорий Григорьевич Орлов (1734 — 1783) — граф, фаворит Екатерины II, один из организаторов дворцового переворота 1762 г., генерал-фельдцейхмейстер русской армии.

¹² Никита Иванович Панин (1718 — 1783) — граф, дипломат. Воспитатель Павла I, с 1763 г. был руководителем Коллегии иностранных дел.

— Господи! — воскликнула Екатерина Алексеевна, глядя в глаза царице. — Как ваше величество могли думать, что я захочу гордиться перед вами! Клянусь, я и не подозревала, что вопрос, заданный четыре года назад, мог иметь подобные последствия...

Елизавета перебила ее:

— Ты воображаешь, что на свете нет человека умнее тебя!

— Если в я так думала о себе, — кротко проговорила Екатерина Алексеевна, — то мое теперешнее положение и самый этот разговор лучше всего способны вывести меня из этого заблуждения. Я до сих пор по глупости своей не понимала того, что угодно было вам сказать мне четыре года назад...

Слушая принцессу, Елизавета заметила, что Петр Федорович все время о чем-то шушукается с канцлером Воронцовым. Она подошла к ним и стала тихо увещевать великого князя примириться с женой. Петр Федорович сперва возражал вполголоса, но затем не вытерпел, притопнул ногой и вскрикнул:

— Ее надобно немедленно выслать! Она ужасно зла и страшно упряма!

Екатерина Алексеевна, слыша это, обратилась к великому князю:

— Я рада случаю объяснить вам в присутствии ее величества, что я действительно зла — зла на тех, кто советует вам делать несправедливости. Да, я стала упрямой. Потому что моя угодливость навлекла на меня только одну вашу неприязнь.

— Дрянь! Дрянь! — Тридцатитрехлетний великий князь заплакал, громко и безутешно, словно обманутое дитя. Обе женщины отвернулись.

— Ладно... Иди... — после недолгого молчания приказала племяннику, не оборачиваясь, императрица.

Вслед за Петром Федоровичем, повинувшись знаку Елизаветы, вышел и граф Михаил Ларионович Воронцов, великий канцлер.

— Теперь мы одни, и я могу сказать тебе правду, — негромко, но грозно молвила она.

— Я догадываюсь, ваше величество! Вы хотите попрекнуть меня за разговоры о наследнике Павле Петровиче с бароном Остеном и французским посланником Бретелем, — потупив глаза, как бы из глубины души, ответила Екатерина Алексеевна. — Но, свидетель Бог, я говорила это, думая лишь о благе России...

Елизавета невольно протянула руку к вазе. Граф Иван Иванович Шувалов пытался из-за ширмы змеиным шипом или птичьим чиканьем, наподобие воробьиного, удержать императрицу от

преждевременного шага, но понимал, что игра разгадана. «Экая филя, право, — ворчал он про себя. — И куда ей до молодой княгини! Ведь обвела, и не в первый раз обвела вокруг пальца. Как будто Екатерина Алексеевна умудрена жизнью, а матушка-царица — молодая, неопытная простушка...» Втайне он сочувствовал принцессе и надеялся, что допрос приведет к доверительной беседе о престолонаследии. Ведь не далее как на прошлой неделе сама государыня размышляла, что надо бы объявить наследником Павла, а его отца либо обоих родителей выслать из России...

— Я не виню тебя, — наконец тихо сказала Елизавета Петровна. — Я сама не знаю, что делать... Иди!

«Поздравляю себя с рождающейся милостью, — подумала принцесса. — Впрочем, не столько довольны мной, сколько недовольны великим князем. Да, как же звали того мальчика-офицера, который передал мне предупреждение Панина? У него такая трудная русская фамилия... А, Михайло Голенищев-Кутузов! Надобно при случае вознаградить его...»

Она низко поклонилась и покинула покои царицы.

...Куранты прозвенели три пополуночи. Вызолоченный вебрь нес на могучей спине Время,

отмеряя последние часы в жизни государыни Елизаветы Петровны.

Глава вторая «...Я — РУССКИЙ...»

1

Шестнадцатилетний прапорщик Кутузов скучал у бронзовой решетки Большого Ораниенбаумского дворца.

Плоская равнина незаметно становилась морем, серое зеркало которого было до зевоты пустынно: не на чем глаз остановить — ни птицы, ни паруса. Лишь на горизонте обозначалась слабым контуром морская крепость Кронштадт на острове Котлин.

Начало обычного развода неопределенно затягивалось — накануне император Петр Федорович засиделся за ужином до пяти пополуночи, крепко перебрав в служении Бахусу. Впрочем, в Ораниенбауме, как примечал Кутузов, царил полный разгул: каждодневные разводы голштинских батальонов, а после — шумные застолья, пьяные ужины, невоздержанные речи и неисполнимые распоряжения государя. Сюда, в летнюю резиденцию Петра Федоровича, съехались

его немцы-родственники, чтобы отметить 29 июня тезоименитство императора — день святых Петра и Павла.

Среди них был и дальний родич Петра Федоровича по Голштинскому дому, генерал-губернатор Санкт-Петербурга и Эстляндии, фельдмаршал, принц Петр-Август-Фридрих Голштейн-Бек, при котором обязанности флигель-адъютанта выполнял Кутузов.

Назначение на эту должность, совершенно неожиданное для молодого офицера, последовало 1 марта 1762 года. Лишь позднее Кутузов узнал, что за него просила сама Екатерина Алексеевна. Для юного прапорщика Астраханского полка подобный пост был чрезвычайно лестным, хотя сам он тяготился своими обязанностями при особе генерал-фельдмаршала. Зато приобретенные в эту пору навыки очень помогли Михаилу Илларионовичу в дальнейшем — в годы его генерал-губернаторства в Киеве и Вильне...

Когда к прапорщику подошел двадцатичетырехлетний франт — флигель-адъютант Петра Федоровича князь Барятинский, от увенчанного императорской короной дворца слышались пьяные крики, смех, немецкие восклицания. По желтым дорожкам, меж померанцевых деревьев в кадках и мраморных статуй, вдоль канала скакали с десятков

разряженных в узкие цветные мундиры молодых людей. Иные с хохотом становились на четвереньки, прочие прыгали через них. Кое-кто и в чехарде не выпускал изо рта глиняных трубок, издавая довольно громкое мычание и немилосердно дымя вонючим дымом. Впереди же всей честной компании неслась и ловко кружилась, несмотря на дородность, краснолицая женщина в богатой робе на немецкий лад.

— Кажется, Елизавета Романовна сегодня в хорошем настроении, — кивнул в сторону фаворитки царя Воронцовой Кутузов.

— Чего нельзя сказать о государе, — озабоченно отвечал князь Барятинский. — Он встал поздно и с головной болью. Бог даст, экзерциции на разводе развеселят его...

Разговор велся на немецком языке, хотя оба собеседника были русскими. Впрочем, немецкая речь господствовала при дворе нового императора, ибо почти все его приближенные принадлежали к природным голштинцам или пруссакам: дядя Петра принц Георг-Людвиг, граф Миних, правая рука государя — прусский посланник Гольц, начальник голштинского войска генерал-лейтенант Ливен, граф Петр Антонович Девьер, принц Голштейн-Бек и его двенадцатилетняя дочь Екатерина, которую уже прочили в невесты князю Барятинскому...

— Смотрите! — воскликнул флигель-адъютант. — Его величество!

Посреди толпы длинный голштинец с маленьким, детским лицом, размахивая руками, закричал по-немецки:

— Братцы! Кто свалит с ног первым? — и заскакал по аллее на одной ноге.

Прочие запрыгали за ним, норovia наддать его величеству коленом по мягкому месту, однако никто не преуспел. Тогда Елизавета Романовна сама набежала на него сзади и сшибла на газон с визгом и хохотом.

— Вижу, что его величество уже успел несколько поправиться, — с самым невинным видом заметил Кутузов.

— Да, государь предпочитает с утра аглицкое пиво, до которого он превеликий охотник, — не чувствуя насмешки, пояснил Барятинский.

Глядя на забавы Петра Федоровича, Кутузов невольно вспомнил о той игре, какую учинил император на похоронах своей тетки Елизаветы Петровны. Он был в тот день чрезмерно весел и, шествуя за катафалком, то замедлял шаг свой настолько, что отпускал лошадей с гробом на тридцать сажен, то пускался за ним бегом вприпрыжку. Несшие его шлейф старшие камергеры пытались не отстать, но выронили концы. Шлейф развеялся по ветру, Петр

Федорович хохотал. Процессия мало-помалу расстроилась, а после и встала. Сколько пересудов и толков в гвардии и при дворе вызвали шалости нового самодержца!..

Ропотом встречены были и первые же указы Петра Федоровича. Он тотчас заключил с Пруссией оскорбительный для России, как страны-победительницы, мир и готовился развязать совершенно нелепую войну против Дании из-за мелких голштинских амбиций. Принц Георг-Людвиг был послан в Петербург для последних приготовлений к походу. От Васеньки Бибикова Кутузов слышал, что в полках, особенно в гвардейских, не скрывают недовольства, произносятся пылкие возмутительные речи. Шло брожение и в Астраханском полку, в составе которого числился юный поручик...

Из-за темно-зеленых куц, с невидимого отсюда плаца, прозвучал сигнал трубы: начинался вахтпарад. Кутузов с князем Барятинским шли, перекидываясь фразами. Со стороны их можно было принять за добрых приятелей. Однако Михаил Илларионович едва терпел князя, а тот страшился его колкого языка и насмешливого ума.

— Нам предстоят героические дела, — говорил Барятинский. — Сам великий Фридрих благословил государя покарать Данию. А кто бы

мог сравниться в военной истории с сим знаменитым мужем!..

Кутузов вспомнил о славном роде Барятинских: Рюриковичи, потомки князя Михаила Черниговского, они храбро воевали со шведами и поляками, а дед теперешнего собеседника отличился в Полтавской битве и в Персидском походе Петра Великого.

— Знаете, князь Иван Сергеевич, — с самой обворожительной улыбкой сказал Кутузов, — вы не носите свою знаменитую фамилию — вы тащите ее за собой...

После развода, где генерал-лейтенант барон фон Ливен по глазам угадывал все желания императора, Петр Федорович окончательно обрел беззаботную веселость. Предстояло отправиться в Петергоф, где находилась на положении полусыльной императрицы Екатерина Алексеевна. Для соблюдения приличий накануне Петрова дня во дворце Монплезир у государыни был назначен большой обед.

Впереди поскакали голштинские гусары, за ними — Петр Федорович с самыми близкими придворными в каретах и колясках. Адьютант принца Голштейн-Бека вместе с несколькими офицерами и многочисленной челядью трясся на одной из длинных линеек.

От Ораниенбаума до Петергофа путь недолог. Весело болтая, путники добрались к двум часам пополудни.

Дамы и кавалеры праздно рассыпались по парку, направились к Драконову каскаду и римским фонтанам, к Самсону, раздирающему пасть льва (тогда еще не бронзовому, а свинцовому). Но что это? От Монплезира слышались тревожные крики, а затем и женский плач.

Дворец, где должна была находиться Екатерина Алексеевна вместе с дамами и придворными кавалерами, был найден пустым!

Прислуга рассказала, что императрица еще ранним утром поспешно уехала в Петербург с двумя офицерами. Полчаса прошло в тупом недоумении. Самые опытные из царедворцев — генерал-прокурор князь Трубецкой, граф Александр Иванович Шувалов и великий канцлер Воронцов предложили Петру Федоровичу отпустить их в столицу, чтобы выяснить, что там делается, и привезти необходимые сведения. Вскоре после их отъезда появился поручик-преображенец с фейерверком для готовящегося торжества. Он сообщил, что при выезде из Петербурга слышал большой шум, видел, как многие солдаты бегали с обнаженными тесаками и провозглашали государыню царствующей императрицей...

Для Кутузова это было похмельем в чужом пиру.

С холодным, чуть насмешливым любопытством наблюдал он, как паника мало-помалу охватила недавно еще развеселую компанию. Женские всхлипывания перешли сперва в рыдания, а затем и в громкий вой. Растерялись и вельможи: обер-гофмаршал Александр Александрович Нарышкин и его брат обер-шталмейстер Лев Александрович, отец фаворитки Роман Илларионович Воронцов. Однако кое-кто и тут не потерял головы. Бабы крики скоро перекрыл резкий тенор генерал-лейтенанта Ливена. Он тотчас разослал адъютантов, ординарцев и гусар по дорогам, ведущим в Петербург, для разведки. Шеф астраханцев Измайлов и шеф ингерманландцев Мельгунов отправили офицера с приказом немедля привести оба полка в Ораниенбаум.

Непривычная деятельность, видимо, утомила Петра Федоровича, которому приходилось подписывать множество бумаг. Со всех сторон между тем сыпались советы: скакать на перекладных в Нарву, где находятся войска, выступающие в датский поход; бежать еще далее — в отчину государя Голштинию; отплыть в Кронштадт. А престарелый Миних предложил даже явиться в Петербург и выступить перед народом и

гвардией, заявив о своих законных правах на престол...

Но сам Петр Федорович не мог ни на что решиться. Наконец он почувствовал острый голод и вместо предполагавшегося праздничного пиршества наскоро пообедал прямо на деревянной скамейке у канала жарки м с бутербродами, выпив изрядное количество бургундского и шампанского.

Наступил вечер 28 июня. Никто из посланных гонцов так и не возвратился. Ни слуху ни духу не было и об отправившихся увещевать Екатерину Алексеевну первых вельможах государства. Лишь князь Барятинский, посланный на шлюпке в Кронштадт, привез утешительную весть: комендант крепости Нуммерс ожидает своего императора.

Это был последний шанс.

Кутузов наблюдал с берега, как лихорадочно грузилась на галеру и яхту провизия, как прыгали с берега в шлюпки сам Петр Федорович с Лизкой Воронцовой, принцесса Екатерина Голштейн-Бек, ее отец со своей невестой — толстой принцессой Каролиной, голштинцы фон Румор, Штелин, Ливен, пруссаки барон Гольц, граф Штейнбок, многочисленные оставшиеся при особе государя русские вельможи...

Была ночь, и не было ночи.

Серебристый, рассеянный свет позволял видеть словно днем. Михаил Илларионович, сидя